

Прежде чем вернуться в Императорскую лечебницу, лекарь Чжоу решил нанести визит государю. Накануне он долго размышлял над делом Хан Сиэня и пришёл к выводу, что затея явиться во дворец в маске выглядит сомнительно. Следовало заранее прошупать почву и замолвить за наследника словечко перед императором, чтобы облегчить тому задачу.

Чжоу уже и оправдание подготовил. Он собирался заявить, будто Хан Сиэнь последние три года непрерывно принимал сильные снадобья для укрепления здоровья, а поскольку всякое лекарство — наполовину яд, лицо юноши местами покрылось багрово-синими пятнами. Зрелище, прямо скажем, не для слабонервных и вряд ли порадует взор его величества. К счастью, сейчас болезнь отступила, но кожа оставалась крайне чувствительной к малейшему сквозняку, а потому лекарю оставалось лишь просить дозволения для наследника предстать перед императорскими очами в маске.

Мысленно повторив эту ложь несколько раз и убедившись, что она звучит складно, лекарь Чжоу отправился на аудиенцию.

В конце концов, Чжоу пользовался безграничным доверием государя. Из уст любого другого придворного подобные речи прозвучали бы надуманно и глупо, однако император даже не усомнился в словах своего верного лекаря.

К тому же владыка Великой Чжоу вовсе не горел желанием вновь лицезреть измождённое, желтушное лицо Хан Сиэня, каким оно было три года назад. Позволение явиться в маске нарушало строгий дворцовый этикет, но, рассудив здраво, император счёл доводы лекаря разумными и дал своё согласие.

Услышав, что здоровье юноши наконец пошло на лад, император остался доволен. В этот момент мысли его перескочили на последние споры в тронном зале, где чиновники без умолку чесали языками из-за мелких набегов на границы Сицзяна. В голове государя созрел план. Не дожидаясь, пока Хан Сиэнь сам попросит об аудиенции, он велел евнуху Юань Бао лично отправиться в поместье герцога Хань и доставить наследника во дворец.

Людская память коротка — новые лица при дворе быстро затмевают старые.

Хан Сиэнь не показывался на людях три года. Если бы лекарь Чжоу не напоминал государю о его существовании своими докладами, да если бы не память о той беспощадной жестокости, с которой наследник когда-то вершил дела, император, верно, давно задвинул бы его в самый пыльный угол своего разума.

В первый год траура государь ещё изредка ронял его имя в разговорах — именно поэтому придворные сановники с замиранием сердца ждали, когда же закончится затворничество грозного юноши. Но за последующие два года император вспоминал о нём всё реже, а в последние месяцев восемь и вовсе перестал заговаривать о Хан Сиэне, словно вычеркнув его из жизни.

Сановники наконец вздохнули с облегчением. Кое-кто из наиболее злопамятных и мстительных вельмож уже потирал руки, полагая, что император охладел к прежнему фавориту. Они втайне выжидали момента, когда Хан Сиэнь окончательно впадёт в немилость, чтобы нанести сокрушительный удар и втоптать поверженного врага в грязь.

Сладкие грёзы грели им душу довольно долго, но сегодня их бесцеремонно оборвали. Весть о том, что личный евнух государя Юань Бао покинул запретный город ради того, чтобы призвать Хан Сиэня к трону, окатила придворных ледяной водой. Иллюзии рассыпались в прах.

Даже у самых прожжённых, невозмутимых «старых лис» дрогнули лица. Раздражённо взмахивая широкими рукавами, они спешно расходились по кабинетам, чем немало изумили молодых чиновников, недавно поступивших на службу. Юнцы, не заставшие прежних гроз, удивлённо переглядывались и гадали, что же это за грозная фигура — Хан Сиэнь.

Падение могущественных кланов Ши и Бай освободило множество тёплых мест в министерствах, и государю пришлось спешно призвать в столицу свежую кровь из провинций.

Новоиспечённые бюрократы краем уха слышали о подвигах грозного наследника, но никогда не видели его воочию и не представляли, какой ужас он когда-то наводил на столичное чиновничество.

Будучи рьяными приверженцами престола, они наивно полагали, что нынешнее очищение двора от скверны — исключительно заслуга мудрого государя. По их мнению, за безумными, дерзкими поступками Хан Сиэня стоял сам император, направлявший руку своего ставленника. Ведь разве посмел бы юнец ополчиться против всей знати без высочайшего покровительства?

Разумеется, им не терпелось взглянуть на столь одиозного любимчика короны.

Огласив волю императора, Юань Бао выпрямился. Хан Сиэнь взглянул на евнуха — за три года тот почти не изменился, и это лицо показалось наследнику на удивление знакомым, даже в чём-то приятным.

Евнух тоже украдкой разглядывал юношу, мысленно сокрушаясь. В своё время Хан Сиэнь учинил в столице такое великое потрясение, раскопав тонны грязных тайн, что Юань Бао до сих пор почитал за великое чудо собственное спасение. То, что он уберёт голову и сохранил доверие владыки после той бури, было чистой удачей.

Впрочем, его везение меркло перед судьбой Хан Сиэня. Тот три года не показывался императору на глаза, но умудрился не просто удержаться на плаву, а заставить монарха тосковать по себе. Во всей Великой Чжоу лишь этот человек обладал подобным негласным могуществом.

Юань Бао не испытывал зависти — завидовать любимцам государя глупо, ведь у каждого слуги

своя мера монаршей милости. Но лёгкое изумление всё же шевельнулось в его душе.

Подавив лишние мысли, евнух расплылся в почтительной улыбке:

— Наследник, его величество все эти годы сокрушался о вашем здравии. Едва лекарь Чжоу доложил, что вам стало лучше, государь тотчас повелел мне доставить вас в чертоги.

Говоря это, Юань Бао преспокойно смотрел на маску, скрывавшую лицо собеседника, и ни один мускул не дрогнул на его холёном лице.

Глаза Хан Сиэня под маской чуть сощурились, отчего взгляд его показался на редкость мягким и тёплым.

— Покорный слуга безмерно благодарен государю за милость, — негромко произнёс он.

Маска искажала голос, делая его сухим и слегка сиплым, но почтительность и признательность прозвучали в этих словах на удивление отчётливо.

Обменявшись ещё парой вежливых фраз, они сели в паланкин и направились к дворцовым вратам. Когда они миновали главные ворота, патрульные гвардейцы императорской гвардии инстинктивно подались вперёд, намереваясь остановить странного гостя в маске. Но стоило Юань Бао небрежно махнуть рукой и сощурить глаза, как стражники мгновенно умили пыл и зашагали дальше, уставившись прямо перед собой и делая вид, будто ничего примечательного не произошло.

Когда Хан Сиэнь вошёл в императорский кабинет, первое, на что обратил внимание государь, были его глаза. Всё те же, что и три года назад: холодные, безучастные, словно затянутые ледяной коркой, за которой не отражалось ни единого мирского желания.

Император поймал себя на мысли, что этот взгляд до боли напоминает ему покойного Ван Ина — и в то же время разительно отличается от него. Старый правитель тихо вздохнул, сам не понимая, о чём грустит. На душе сделалось тоскливо и тяжело.

Отворяя тяжёлые мысли, император перевёл взор с глаз юноши на его лицо. Он не стал разглядывать маску, но заметил выглядывавший снизу край челюсти — кожа там действительно отливала нездоровой желтизной вперемешку с багровыми пятнами.

«Да уж, — подумал император, — если у него всё лицо такое, то лекарь Чжоу прав: зрелище вышло бы пренеприятное».

Отгнав праздные мысли, государь усмехнулся и беззлобно пожурил гостя:

— Ну и выдержка у тебя, Хан Сиэнь! Три года носа из усадьбы не показывал. А как полегчало, даже не подумал явиться во дворец, засвидетельствовать почтение. Пришлось мне самому за тобой посылать. Во всей империи ты один удостоился такой чести.

— Ваш слуга был слаб телом и духом, — монотонно отозвался Хан Сиэнь. — Подобный вид оскорбил бы величество государя. Молю о прощении.

— Ладно тебе, — император махнул рукой. — Хотя мы и не виделись, наследный принц регулярно приносил мне вести о твоих делах.

За последние три года Цзи Ло проявил себя в государственных делах с наилучшей стороны. Наблюдая за успехами сына, престарелый правитель испытывал противоречивые чувства: его радовала хватка наследника, но вместе с тем он всё острее понимал, что его собственный век близится к закату.

К счастью, старый император ещё не выжил из ума, чтобы из ревности к чужим успехам начать подозревать сына в измене и лишать его законного титула. И всё же тень сомнения нет-нет да и закрадывалась в его душу.

Наследный принц и Хан Сиэнь были слишком близки. Не развороши Сиэнь в своё время осиное гнездо, не разоблачи козни вдовствующей императрицы и кланов Ши и Бай, Цзи Ло вряд ли сел бы на законный трон Восточного дворца.

Поневоле напрашивался вывод, что действия Хан Сиэня преследовали одну цель — расчистить дорогу для Цзи Ло.

Словно не заметив скрытого подтекста в словах правителя, Хан Сиэнь ровным голосом произнёс:

— Наследный принц великодушен. Опасаясь, как бы меня тишком не извели в родном доме, он пользовался своим высоким положением и навещал меня, дабы удержать моих недоброжелателей от опрометчивых шагов.

Император прекрасно знал, что Цзи Ло втайне покровительствовал уцелевшим братьям из дома Бай, так что намёк на «великодушие» ловко снимал с Хан Сиэня подозрения в заговоре с наследником. К тому же эти слова были неприкрытой жалобой на собственного отца, герцога Хан Чжо. Сиэнь прямо заявлял, что по-прежнему держит зуб на родичей и не забыл, как второй дядя, Хан Шу, когда-то едва не заколол его.

Император на мгновение опешил от подобной дерзкой прямоты, а затем раскатисто расхохотался. За три года он успел отвыкнуть от столь колких речей и почти позабыл, каким

острым на язык бывал этот юнец.

Отсмеявшись, государь покачал головой:

— Ох, Сиэнь, Сиэнь... Всё такой же злопамятный. Ни капли не изменился.

Насколько император знал, герцог Хан Чжо все эти три года тише воды ниже травы сидел и к сыну даже приближаться не смел.

Что же до Хан Шу, то тот влачил жалкое существование, забившись в самый дальний угол поместья. Опустившийся, вечно пьяный, он без конца затевал скандалы со своей супругой, госпожой Чжан, и грозился выгнать её из дома. Не будь их дочь, Хан Цинсюэ, супругой принца, вторая ветвь клана Хань давно бы пошла по миру.

— Ваш слуга привык говорить государю лишь то, что у него на душе, — холодно отозвался Хан Сиэнь.

Император благосклонно кивнул и уже собрался продолжить беседу, как двери кабинета приоткрылись — евнух доложил о прибытии пятого принца, Цзи Хуая, просившего о встрече. Государь велел Юань Бао выпроводить сына, после чего вновь повернулся к Сиэню:

— У заставы Небесных Врат в Сицзяне нынче беспокойно. Пятый принц уже не раз просил направить его на границу. Мол, статус императорского сына остудит пыл степных кочевников и поднимет дух наших воинов. Хочет послужить отечеству. Да вот только я всё никак не решу, стоит ли его отпускать.

Три года назад, отправляя Цзи Хуая на рубежи, император понимал: тамошние войска всё ещё подчиняются воле маркиза Цзинго. Тогда государь как раз заточил в покоях наложницу Сянь-фэй, а Цзи Ло объявил наследником престола. Пятого принца просто нужно было убрать из столицы от греха подальше.

Однако время ушло, расклад сил переменялся, да и на рубежах стало куда опаснее. Случись что с принцем теперь — расхлёбывать придётся долго. Потирая виски, император с досадой подумал, что будь он на пару десятков лет моложе, самолично повёл бы карательный поход на запад, чтобы вдолбить почтение к Великой Чжоу в тупые головы степных варваров.

Из сыновей оставался ещё старший, Цзи Фань. Храбрости ему было не занимать, но буйный нрав и скудоумие портили всё дело. Держать его при дворе под присмотром было куда безопаснее.

Отправь его на заставу — и этот дуралей при первой же вражеской уловке ринется в бой в одиночку. Попадёт в плен к жунам, и Великая Чжоу окажется перед позорным выбором, став посмешищем для всех соседних царств.

Изложив свои опасения, правитель умолк, ожидая отклика. Однако Хан Сиэнь безмолвствовал, словно его это вовсе не касалось. Потеряв терпение, государь прикрикнул:

— Сиэнь! Я к тебе обращаюсь.

Юноша лениво приподнял веки и бесстрастно произнёс:

— Ваше величество, последние годы я был занят лишь заботами о собственном брэнном теле и далёк от придворных интриг. Но если вам непременно нужно моё мнение... Что ж, судя с позиции простого обывателя, благородный порыв пятого принца достоин восхищения. Немногие отпрыски императорского рода готовы променять столичную роскошь на тяготы пограничной службы ради блага государства.

Император поперхнулся воздухом и с недоумением прищурился:

— Неужто ты одобряешь его поездку?

— Покорный слуга не имеет права одобрять или запрещать, — отрезал Сиэнь. — Сие решение подвластно лишь державной воле вашего величества.

В душе юноша лишь пренебрежительно усмехнулся. Император явно всё для себя решил, но продолжал ломать комедию, выжывая чужие советы.

Ответ наследника оставил неприятный осадок. Император с досадой подумал: «Вечно ты лез на рожон, почему же сейчас помалкиваешь и не вызовешься ехать сам?»

От этой мысли раздражение вспыхнуло с новой силой. Старый правитель поморщился, теряя интерес к беседе:

— Хм, ладно. Мне нужно всё взвесить. Ступай, восстанавливай силы.

Хан Сиэнь отвесил безупречный поклон и направился к выходу. По иронии судьбы у дверей павильона он вновь столкнулся с ожидавшим аудиенции пятым принцем, Цзи Хуаем.

За минувшие три года Цзи Хуай заметно раздался в плечах и вытянулся. В его чертах сквозила былая воинственность, а манеры сделались сдержанными и властными. Завидев выходящего из тронного зала человека в маске, принц даже бровью не повёл.

Едва Юань Бао переступил порог Поместья герцога Хань, весть об этом мгновенно разлетелась по столице. Слухи о причуде наследника носить личину также успели обрасти самыми нелепыми подробностями.

Оправдания лекаря Чжоу давно перестали быть тайной. Теперь вся столица судачила о том, что некогда грозный фаворит изуродован неизлечимой болезнью и прячет лицо под маской от стыда.

Цзи Хуай промолчал, а Хан Сиэнь и подавно не собирался утруждать себя приветствиями. Он прошёл мимо принца, словно тот был пустотой. Лишь когда фигура в маске скрылась за поворотом галереи, Цзи Хуай обернулся, проводив юношу тяжёлым, буравящим взглядом.

Спустя три дня после визита во дворец в Поместье герцога Хань доставили новый указ. Государь повелел Хан Сиэню совместно с пятым принцем Цзи Хуаем отправиться в Сицзян в качестве императорских инспекторов. Им вменялось в обязанность досконально изучить положение дел на рубежах, успокоить местное население и поднять боевой дух пограничных полков.

<http://bllate.org/book/20088/2002072>